

К ВОПРОСУ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ПОДКАРПАТСКИХ
РУСИНОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

3. Медве

Подкарпатские русины!
Оставьте глубокий сон!

/А. Духнович/

Общеизвестный факт, что развитие русинской¹ общественности в начале XIX столетия на полвека отстает от развития других национальностей Венгрии. Эта отсталость является и тому причиной, почему русины не принимают участия в национальной борьбе наряду с другими славянскими национальностями до революции 1848 года.

Выдающиеся представители светской интеллигенции проводят свою работу не в родном краю /большинство населения было безграмотно/, а на территории всей Венгрии, поэтому их связь с русинским народом постепенно прекращается. Те, кто были связаны и с языком, и с народом, эмигрируют. Вот почему ряд профессоров, юристов, врачей, преподававших в начале XIX века в высших учебных заведениях Венгрии /И.С. Орлай, П.Д. Лодий, М.А. Балудянский, В.Г. Кукольник и другие/, играют значительную роль в новообразованных университетах России².

Таким образом, в Венгрии еще не образовалось национальное движение русинов, так как отсутствовала интеллигенция, способная руководить этим движением; а когда постепенно вырос слой интеллигенции, создавший идеологию движения, за ним еще не стояли организованные массы.

В Венгрии рождается теория славянской взаимности, и прогрессивная часть русинской интеллигенции с большим интересом следит за ней. Благодаря ужгородской церковной унии перед семинаристами открываются двери отечественных и зарубежных духовных академий и университетов, таким образом они на родине /Эгер, Эстергом, Трнава, Пешт/ знакомятся со словацкими, хорватскими и сербскими сту-

дентами, а в Вене заключаются тесные отношения между священниками Подкарпатя и Галиции. Здесь они посещают лекции известных профессоров-славяноведов и сами начинают задумываться над судьбой и историей своего народа³. В результате этого образуется и русинская историческая идеология, цель которой доказать, что на данной территории русины жили раньше, чем венгры⁴. Создание такой идеологии являлось первым шагом на пути развития национального движения. Непосредственно после этого -- как второй шаг -- выдвигается вопрос литературного/национального языка.

На первых порах славянские национальности Венгрии серьезно думали об общеславянском языке -- как о литературном языке, -- который будет понятен каждому образованному члену славянской семьи в Венгрии. Но когда они убеждаются в невозможности создания такого искусственного языка, национальное движение уже вступает в фазу политической борьбы: выступает на первый план вопрос о привлечении широких масс в интересах собственно народных целей, а для этого необходим национальный язык.

Отсталость русинского народа указывает и на то, что такого языка в начале XIX века в Подкарпатье не существовало. Из "Литературного наследия Василия Довговича /1783--1849/", члена Академии Наук Венгрии, выясняется, что из его 190 стихотворений 131 написано на латинском, 31 на венгерском и лишь 18 на родном языке⁵.

А. Духнович, первый "будитель" своего народа, самый выдающийся культурный деятель той эпохи, "почав писати поезіі угорською мовою", потом "латинською мовою", и лишь начиная с 1844 года в Пряшеве "почина писати рідною мовою"⁶. Научные труды, *Historia* Духновича и Лучкая тоже были написаны на латинском языке. М. Лучкай был автором и первой "русинской" грамматики, изданной в Венгрии в 1830 г.: *Grammatica slavo-ruthena seu vetero-Slavicae, actu in montibus Carpathicis parvo-russicae seu dialecti vigentis linguae*.

Эта грамматика еще является точным отражением "Institutiones" Иосифа Добровского, о чем говорит и сам автор в эпилоге: "... in Slavica Ductorem meum fuisse Dobrowskym, quem sequi gloriae meae duco".

Причины написания этой грамматики -- по мнению автора -- были следующие:

- а/ Мразович из-за некоторых ошибок для использования учащих-ся неприемлем.
- б/ Добровский же весьма пространен и для бедных слишком дорог /т.е. до сих пор пользовались "общеславянской" грамматикой сербского и чешского издания/.
- в/ Но важнее всего, что "один только диалект /язык/ остался без грамматики, а может быть, без искажения, а именно "dialectus ruthenica" и она "terre incognita".

Автор находился в трудном положении при создании грамматических правил, так как -- по его мнению -- к сожалению, "praeter cathecismum nulla existere alia opera in hac lingua scripta".

После показания совпадений и различий в двух языках -- местный диалект и церковнославянский язык, -- Лучкай придерживается того мнения, что язык народа и образованных людей нигде на свете не может быть одинаковым. Он подчеркивает уже, что "dialectus ruthenica", т.е. разговорная речь русинов, отклоняется от церковно-славянского языка, и сознает, что этот же язык существует и в Галиции, т.е. первым в Венгрии констатирует, что "малорусский и великорусский" языки различаются.

В таких общественно-политических /и языковых/ условиях застала русинов революция 1848 года. Как об этом свидетельствуют данные, интеллигенция Ужгорода /в первую очередь семинаристы/ "пошла в гонимые"⁷. Пряшевская епархия критически подходила к событиям, не говоря о том, что в 1849-ом году А. Духнович пишет: "Одна жизни моей радость восхитила меня, и то было 1849 года, когда я первый раз увидел славную русскую армию, пришедшую на покорение бунтующих мадьяр"⁸. Подобное мнение и у И. Сильвая, не говоря об А. Добрянском, который, как сторонник москвофильства и австрославизма, в "мутное время" составлял петиции, ожидая улучшения Габсбургами судьбы своего народа.

Само собой разумеется, что во время "системы" Баха позиция А. Добрянского имела большой вес. По его мнению, развитие украинского языка в литературный язык, это -- измена против русского народа, и отпавшие от него /т.е. малорусы/ сами обессиливают себя

этим, так как они не смогут справиться в Галиции с польским, в Буковине с румынским, а в Подкарпатье с венгерским языком⁹.

Великорусское языковое направление, т.е. русофильство осталось, можно сказать, одним на арене в Подкарпатье и после Крымской войны /1853--56/, т.е. после начала охлаждения бывших союзников. Поддержанное и австрийским правительством малорусское направление в то время еще не смогло укорениться в Венгрии, хотя не все тогдашние руководители разделяли мнение Добрянского.

Естественным направлением развития было бы внедрение уже существующего украинского литературного языка, располагавшего в России уже многими ценными произведениями. Но жаль, что употребление его в России в то время запрещалось строгими законами /ср. Циркуляр П.А. Валуева, мин. внутренних дел и Эмское соглашение/, и, собственно говоря, украинский язык до Октябрьской революции употреблялся свободно лишь в Галиции.

Противники великорусского языка в Венгрии, в конечном результате, заняли позицию не на стороне украинского языка, а за развитие одного из местных диалектов в литературный "русский" /русинский/ язык. В этом немалую роль сыграли и венгерские правительства, особенно после соглашения 1867 года. Но их радикальные методы и попытки не увенчались успехом. Вследствие исторических и географических причин немногочисленный русинский народ не обладал таким центральным, преобладающим диалектом, который мог бы развиться в литературный язык. Кроме того, в Подкарпатье из-за отсталости территории и в экономическом отношении, не было такого единственного городского центра, следовательно, и центральных культурных учреждений, которые могли бы способствовать господству главного диалекта.

На основе вышеизложенного не удивительно, что вопрос о языке Подкарпатья в течение целого столетия /1850--1946/ сыграл большую роль и "благодаря" правительственным кругам, на основе divide et impera разделяли русинов на сторонников великорусского, украинского и местного "русского" направления, а политически на русофилов, украинофилов, русинофилов и мадярофилов, по-тогдашнему выражаясь: "мадяронов". И это незавидное положение в значительной мере препятствовало и культурному развитию русин-

ского общества. Следует отметить, что венгерские правительства -- конечно, Вена тоже -- выступали против великорусского и украинского направления, боясь, в первую очередь, требования и возможности соединения с этими народами.

О предосторожности, рожденной из непризнанного страха, свидетельствуют повторяющиеся нападки в печати на руководителей русинов, обвиняющие их в симпатии к царю, в тяготении к России, даже в шпионаже. Несмотря на то, что сознательные русины, как славяне, в глубине души мечтали о соединении с братьями за Карпатами, ведь они "одного с ними языка и одной веры", что часть духовной и светской интеллигенции тяготела к русской и украинской культуре и литературе, обладающей в то время уже большими ценностями в мировой литературе, руководящий слой русинского общества во второй половине XIX века был верноподанным другом Габсбургов, сторонником Габсбургов, сторонником австрославянизма. Таким образом, эти обвинения -- за исключением некоторых случаев, -- по мнению Перени, были необоснованы¹⁰.

Но на рубеже XX столетия, в т.н. схизматических процессах, явно выделяется и подпольная работа религиозного направления славянофильства¹¹. И это не удивительно, ведь факты свидетельствуют и о том, что в монархии "слов'янофіли Росії ... виконували агентурну роботу на користь російського царізму. Так, у Відні з такою місією перебував М. Раєвський, протоієрей російської церкви. У Празі задвання винонував представник російської дипломатичної Кацелярії, Троянський"¹².

.....

Грамматика М. Лучкая в 1830-м году была напечатана в столице Венгрии, в типографии университета. Относительно свободную культурную атмосферу эпохи реформ характеризует и тот факт, что там была издана и "Русалка Днестровая", альманах глиейкой "русской тройцы" /1837/. На территории Подкарпатя в то время типографии еще не было, хотя уже до революции она была запланирована епископством, но лишь для церковных целей она была бы нерентабельна. В 1845 году в Ужгороде был открыт филиал типографии Эллингера, но вследствие событий самостоятельная типография от-

крылась только после Октябрьского диплома, в 1861 году, еще без кириллицы. Первое издание, напечатанное кириллицей, это -- "Мъ-сяцесловъ" на 1864 год, под редакцией А. Хомичкова, будущего редактора журнала "Карпатъ".

Вопрос об издании газеты для русинов по инициативе А. Духновича был выдвинут осенью 1848 года, но по известным причинам это не осуществилось. Непосредственно после поражения борьбы за свободу пражский епископ, Я. Гаганец, хотел издавать "Народную газету", но его стремления -- из-за сопротивления Вены -- потерпели неудачу.

Первую газету на русском языке для населения Подкарпатъ и Галиции издавали в столице Австрии под заголовком: "Вѣстникъ для Русиновъ Австрийской Державы". Так как редакторами его были львовяне, издание газеты "Галицко-русский вѣстникъ" было прекращено и редакцию перевели в Вену. Венгрия в редакции не была представлена, но имела целый ряд корреспондентов, в том числе и А.И. Павловича, писателя и поэта русофильского направления.

Австрийское правительство -- не без всякого основания -- уже в то время видит в русском языке, точнее в русофильстве опасность, поэтому лишает газету поддержки и сменяет состав редакции. Вместе с тем изменяется языковое и политическое направление печати, следовательно, и корреспонденты из Венгрии прекращают связь с Вестником.

В конце 1855 года Общество Святого Стефана решает издавать церковную газету и для русинов. Редактирование было поручено священнику И. Раковскому, официальному переводчику правительства в Будапеште, который привлек к этой работе уже упомянутого М. Раевского и В. Войтовского, священника православной церкви в Бремсе /*Bremse*/ при мавзолее на могиле русской княгини, Александры Павловны, супруги венгерского палатина, Иосифа¹³.

Следовательно, "Церковная Газета" в 1856 году появляется на русском языке. Поэтому довольно рано возникают проблемы с подписчиками: большинство русинского общества неграмотно; грамотные не все понимают русский язык, но почти все свободно читают венгерские и, частично, немецкие газеты, которые на европейском

уровне осведомляют читателей об интересующих их событиях. В то время в Церковной Газете публикуются лишь статьи религиозного и морального характера.

Вследствие уже известных причин, без субвенции, при вмешательстве венгерских властей, из-за великорусского языка и направления в 1856 году было прекращено издание этой столичной газеты, вскоре и "Церковного Вѣстника"¹⁴.

Совет наместничества по инициативе А. Добрянского в 1864 г. дал разрешение создать церковно-культурное /просветительское/ общество. Создание Общества Св. Василия Великого было реализовано лишь в 1866 г. во главе с А. Добрянским и И. Раковским с целью: составлять, редактировать, издавать и распространять школьные и прочие полезные книги и журналы на русском и венгерском языках. В уставе речь идет и об образовании, культуре и литературе грекокатолических русинов двух епархий¹⁵.

Общество не проявляло большой активности, оно издало под руководством русофильских сопредседателей всего четыре календаря /мѣсяцеслова/ и несколько книг /учебников/.

Великорусский язык изданий и содержание книг по истории и географии не понравились венгерским властям и новому епископу, И. Панковичу, который запретил употребление их в своей мукчувской епархии¹⁶.

Журнал Общества: "Свѣтъ. Литературная и общественная газета, издаваемая Обществом Св. Василия Великаго" уже печатается в Ужгороде. Первый номер вышел 13 июня 1867 г.

Для общественного профиля журнала характерно, что он уже в 1870 г. нападает на епископа Панковича: "епископ Мукачевский перекрестясь по русски, мадярски и латински, произнѣсь рѣчь коротенькую на русскомъ языкѣ, по тѣмъ длинную на мадярскомъ языкѣ...", а в то же время: "въ нашей Пряшевской соборной церкви праздникъ Рождества праздновали чисто по русски /Курсив мой - З.М./.

К этому следует добавить, что через три года после соглашения уже чувствуются первые признаки возрождающейся официальной венгерской национальной политики, хотя в то время "Унгваръ" жи-

лю уже солидное количество венгерских грекокатоликов¹⁷.

Редакторы журналы стремятся оставаться верным названием. Из классиков русской литературы печатаются в первую очередь Пушкин, Тургенев и Гоголь. Сотрудники почти все известные лидеры русофильского направления: А. Кралицкий /бывший профессор церковной истории и канонического права в мария-почванском монастыре¹⁸/, А. Митрак /составитель известных словарей/, И. Сильвай и Е. Фендик /лучшие писатели и поэты того времени/. Т. Злоцкий, И. Романец и И. Дулишкович -- известные этнографы. В журнале печатаются статьи -- на основе русофильской идеологии -- о вопросах литературы славянских народов /в первую очередь о русской и украинской/, о "славном прошлом" Подкарпатя, и помещаются произведения фольклорного характера.

Следует отметить, что А. Кралицкий, как секретарь Общества Св. Василия, т.е. деятель культуры, уже в то время рекомендует строить дома культуры, организовывать читальни, даже библиотеки.

Содержание журнала свидетельствует о том, что Свет в свое время -- под руководством редактора В. Кимака -- отличался высоким уровнем, но, в известных нам общественных условиях, читали его в очень узком кругу. Личность Кимака, язык и содержание печати вызвали отпор со стороны епископа и венгерских властей. Поэтому Свет уже в 1871 году реорганизовался в "Новый Свѣтъ". Этот шаг является логическим следствием результата выборов в Обществе Св. Василия, так как там победило русинофильское /и частично мадярофильское/ направление. Сам епископ, И. Панкович, поддерживает новый журнал и его главного редактора, Виктора Гебея, как об этом свидетельствуют нападения сатирической газеты "Сова", под редакцией Кимака, бывшего редактора Света¹⁹.

Хотя программа Нового Света уже не была тесно связана с "будительством", хотя журнал отказался и от "позитивных" черт русофильства, молодой сотрудник его, М. Ставровский-Попрадов убежден в том, что идеи бывшего Света, программа его патриотизма может продолжаться и в изменившихся условиях; и он оказался реальным политиком, дальновидным деятелем своего времени, когда пишет:

"У нас теперь находится только одна газета, Новый Свѣтъ, если сия пропадаетъ, можемъ опять 5-10 годов ждати, пока дру- гую получимъ, ведь известно, сколь много труда и времени стои- ло некогда основание газеты Свѣтъ. Новый Свѣтъ нужно поэтому на всякий случай содерживати и отъ гибели сохранить; и если сего старшие не делаютъ, нужно то делати намъ молодымъ. Непотребно внимати на то, к какой изъ двухъ партий Новый Свѣтъ принадлежить ..., ибо здесь речь идетъ о томъ, имети ли одну газету или нетъ, что для насъ Венгро-Русскихъ столько значить, какъ быти ли намъ или не быти /выделено мной - З.М./".

Попрадов /и сам журнал/ оставался верным своей программе: популизировал народную культуру, печатал материалы народного творчества, заговорил с читателем "языком сердца и чувства", но как и раньше в жизни других журналов, здесь тоже появляется "веч- ная" проблема языка. И хотя статьи уже печатались не только на русском, но и на руськом /т.е. русинском/ языке, ввиду полного отсутствия интереса к нему, журнал к концу 1877 г. прекращает свое существование.

После нескольких частных инициатив реорганизованное Общест- во Св. Василия стало шефствовать над изданием нового журнала "Карпатъ", который уже печатался язычием. Русофилы вначале напа- дали на новый журнал, особенно А. Митрак на страницах львовской газеты "Слово"; но позже, видя культурно-политическую обстановку, он изменил свою прежнюю критическую позицию /в 1880 г./, говоря, что "Карпатъ" единственный орган, который представляет и защища- ет русский язык и народную культуру в Подкарпатъе.

В этих известных нам исторических условиях казалось очень смелым предприятием инициатива Евгена Фенчика: издание нового журнала "Листокъ. Духовно-литературный журналъ". Выходил он с 1885 по 1903 г. и представлял местную, русскую и вообще славян- скую культуру, последним в Монархии, на великорусском языке. Число подписчиков -- особенно после появления журналов "Наука" и "Недѣля" /которые печатались на местном диалекте/ -- постепен- но уменьшалась и периодика на русском языке в Венгрии сошла с арены литературной жизни. Но русофильское политическое направле- ние осталось.

В Листке печаталось старое поколение русофилов, т.е. произведений А. Духновича, А. Павловича, А. Кралицкого, И. Раковско-го, И. Сильвая, Ю. Ставровского-Попрадова, и, самого редактора.

Е. Фенцик был верен своей идеологии: в журнале кроме произведений русских писателей /Лермонтов, Пушкин, Толстой, Фет и другие/ представляется культура разных славянских народов и национальностей.

П. Линтур, критикуя и оценивая программу Листка, т.е. печать русофильского направления, подчеркивает его положительную программу²⁰. В связи с этим - так как умолчание фактов и отрицательных черт или неполное объяснение тогдашнего положения препятствуют формированию объективно-оценочного суждения -- следует отметить, что не все перечисленные задачи были реализованы, а те, которые удалось реализовать, не обязательно сдвигали вперед дело политического и культурного подъема подкарпатских русинов.

Ведь известно, что читающая публика была невелика; она не понимала русского языка; т.е. употребление его в журналах было анахронизмом. В концепции русофильства и славянофильства в то время заключалась любовь к царю "Всея России". Таким образом "спасение" ожидалось от жандармов Европы. В данном случае нельзя ссылаться на прогрессивное политическое русофильство, изложенное Иваном Франко в Галиции. В прогрессивном национальном движении Европы в эти годы кроме "национальной основы" важную роль играют и классовые интересы. В начале века прогрессивные общественные деятели /Балудянский, Довгович, Духнович/ положительно оценивают передовую венгерскую литературу и культуру эпохи реформы. В конце столетия И. Франко в Галиции открыл передовую венгерскую /ср. переводы Петефи/ и западную литературу. В то же время русофилы Подкарпатья из своих журналов исключают не только прогрессивную, но и консервативную венгерскую литературу. И это -- шаг назад.

Мы откровенно подходили к этому вопросу, ведь уверены в том, что наступило время открыть полную истину и "сдуть пыль" с пожелтевших страниц журналов, напечатанных на русском языке в Венгрии во второй половине XIX века; познакомиться подробно с русофильской идеологией, и если нужно, поспорить о вопросах язы-

ка, литературы и культуры в Подкарпатье, ведь, кроме того, что эти две культуры /подкарпатская и венгерская/ взаимосвязаны, они составляют органическую часть культуры бассейна Карпат.

Примечания

1. Русин: название закарпатского украинца до советской власти. Ср.: Я русин был, есмь и буду, я родился русином /А. Духнович/.
2. Байцура, Тамара. Закарпатскоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава-Пряшев, 1971.
3. Перени, И. Из истории закарпатских украинцев /1848--1914/. Будапешт, 1957, с. 17.
4. Michael Lutskev. Historia carpatho-ruthenorum sacra et civilis /antiqua et recens/ usque ad praesens tempus. -- В кн.: Науковий збірник 11. Пряшів, 1983, с. 45--181.
5. Poemata Basilii Dóhovits. В кн.: Науковий збірник 10. Пряшів, 1982, с. 4--252.
6. Олена Рудловчак. Творчий шлях Олександра Духновича. -- В кн.: Біля джерел сучасності. Братислава-Пряшів, 1981, с. 13--50.
7. Н. Гомичковъ. Изъ моихъ записокъ 1848. -- В журнале "Карпаты". № 4, Унгваръ, 1885.
8. Степан Добош. Илий Иванович Ставровский-Попрадов. Братислава-Пряшев, 1975, с. 16.
9. А.В. Попов. Ев. Сабовъ. -- В кн.: Карпатский Свѣтъ. Ужгород, 1929, с. 550.
10. И. Перени. Ук. соч.
11. Mayer Mária. Kárpátukrán /ruszin/ politikai és társadalmi törekvések /1860--1910/. Budapest, 1977, p. 111--135.
12. Юлана Голенда. Анатолій Кралицький. Братислава-Пряшів, 1984, с. 15--16.
13. Олена Рудловчак. Сльоза над могилою російського друга Закарпаття, похованого в угорській землі. -- В кн.: Біля джерел сучасності. Братислава-Пряшів, 1981, с. 161--173.
14. Полные комплекты упомянутых журналов доступны в г. Ниредьхаза. См.: Ojtozi Eszter. A Görögkatolikus Hittudományi Főiskola könyvtárának szláv és román cirillbetűs könyvei. Debrecen, 1985, п. 16.
15. Mayer Mária. Ук. соч., с. 207.
16. И. Перени. Ук. соч., с. 97.

17. а. Petőfi Sándor. Utirajzok. Budapest, 1951.
 - б. В приходах со смешанным языком священник должен был служить обедню и на венгерском языке /и во время Чехословацкой Республики/, а в венгерских селах лишь на венгерском.
18. Я. Голенда. Ук. соч., с. 14.
19. Степан Добош. Ук. соч., с. 54--56.
20. П. Линтур. Значение "Листка" /1885--1903/ в развитии журналистики и литературных стремлений Закарпаття XIX ст. -- В кн.: Ховтень і українська культура. Пряшів, 1968, с. 619.